

ДЕТСТВО: ПОЭЗИЯ И РИТУАЛ

УДК 394.3 (470.22)
ББК 82.3

К. К. ЛОГИНОВ
(Петрозаводск)

«РАЗДАЧА БОЛИ И СТРАХА» В РУССКИХ МАЛЬЧИШЕСКИХ ИГРАХ СЕРЕДИНЫ XX В. (на примере Вытегры и сопредельных территорий)

Аннотация. В статье исследуются народные игры, которые учили мальчиков терпеть боль и страх с младшего подросткового возраста. Исследование основано главным образом на собственном детском опыте автора и его сверстников, который пришелся на десятилетие угасания традиции в процессе глобализационных тенденций. Анализируемая категория игр укоренена в архаической эпохе, когда способность с детства терпеть боль и страх была необходима для возрастной инициации мальчиков.
Ключевые слова: традиционные игры, русские, народности Карелии.

Термин «раздача боли» в юридическую и научную сферу обращения был введен Нильсом Кристи (Neils Cristy) [Кристи 1984]. Под этим термином ученый понимал одну из форм «некарательного воздействия на личность», которое временами приобретало очень жесткие формы. А что если присмотреться к игровым формам подобного воздействия в традиционной русской народной среде?

«Традиционным» в отечественной этнографии принято считать период XIX — первой трети XX в., предшествующий коллективизации сельского

хозяйства России. Хотя материалы самозаписей автора относятся к 1950—1960-м гг.¹, т. е. к периоду *индустриального* или *кофигуративного* (по Мид Маргерет [Мид 1988]) развития планетной цивилизации, в провинциальной глубинке России многие детские и подростковые игры все еще хранили на себе совершенно очевидный отпечаток «традиционности».

Итак, в родном для автора городе Вытегре Вологодской обл. во второй половине 1950-х гг. мальчики старшей группы детского садика (в 7 лет) считались уже достаточно взрослыми, чтобы домой возвращаться самостоятельно. По вечерам образовывались детские компании, которым было по пути до дома. Без надзора родителей и воспитателей можно было играть, как вздумается. А вот дома в игры вовлекал старший брат и его друзья, что были на 4—6 лет старше автора. Для компонента «традиционности» тех игр это было чрезвычайно важное обстоятельство, поскольку в середине прошлого века под влиянием индустриальной культуры традиционные элементы русской культуры стремительно размывались и отмирали.

Суть того, по каким правилам в мальчишеской игре происходила «раздача боли и страха», легко понять из простейшей нашей забавы, в которой осуществлялась «раздача» одновременно и боли, и страха. Называлась она «На кого Бог пошлет». Чтобы начать игру, кто-либо из детей набирал из-под ног полную пригоршню небольших камешков или раздавленной колесами автомобилей сухой грязи и подбрасывал их вверх, выкрикивая: «*На кого*

¹ Самозаписи автора оформлены как постраничные записи в «Полевом дневнике № 3 К. К. Логинова полевого сезона 2012 года», хранящемся в научном архиве Карельского научного центра РАН.

Бог пошлет!» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 40]. Правила игры состояли в том, что нельзя было бросать камни и грязь таким образом, чтобы они падали на головы товарищей, минуя свою. Тот, кто начинал игру, сам таким образом тоже оказывался под ударом лично им подброшенных камней. Страх получить удар по голове приводил к тому, что голова втягивалась в плечи, ладони произвольно защищали голову, а самые резвые резко убежали в сторону. Что касается получения реальной боли, то это получалось, как кому повезет. Пробитых камнями черепов не было, но небольшие гематомы от камней (в сухой грязи встречались самые крупные камни) иногда мы получали. Но реветь нельзя! Это закон данной игры. Обижаться нельзя! В любой момент любой из присутствующих в группе мог начинать игру снова и снова. О такой игре (в иных областях России, правда, в воздух чаще подбрасывался песок, а не камни) может вспомнить любой наш соотечественник мужского пола старше 60—70 лет, если его детство проходило в деревне либо в провинциальном городе.

Было бы ошибкой думать, что мальчишки попадали под «раздачу боли и страха» исключительно по чужой воле. Подростки обычно сами желали втянуться в игру, в которой с высокой степенью вероятности могли именно на это и напороться. Такого рода игры имели место в старину, их можно наблюдать и в наше время.

Традиционный способ проведения одной из подобных игр (в ней на зачаток игры исполнялись пародии на святочные восхваления, посвященные отдельным семьям селян) описан в одной из монографий автора, посвященной исследованиям Водлозерья [Логинов 2010, 146—147]. Общим названием этой игры в Вытегре и округе было «*Быка дразнить*». Подростки, приглашая приятелей к игре, так и говорили: «*Айда быков дразнить*», если заранее не знали, к кому будут цепляться, либо вместо «быка» называли персональное уличное прозвище того, кого они намеревались спровоцировать [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 36—37]. В итоге несколько детей или подростков сами напрашивались на агрессивный отпор, оскорбляя обидными прозвищами более сильного,

чем они, подростка или юношу, с которым, как правило, им было не справиться даже всем вместе. Смысл игры состоял в том, что каждый из младших ребят испытывал свое личное везенье: погонится за ним сильный парень или нет, а если погонится, то догонит ли, а также больно ли отколошматит или не очень. При этом тот, кто будет отлуплен (так, чтобы впредь помнил и не особо желал повторения игры. — *К. Л.*) должен был перетерпеть боль, не заплакать, не обнаружить слез перед товарищами. По большому счету полноценно перенесенная боль в игре как бы приравнивалась к маленькой инициации, своеобразному экзамену на зрелость в своей возрастной группе.

В играх с раздачей боли и страха дети могли участвовать в довольно раннем детстве (с 3—5 лет). Например, в игре «*Голова — ноги*» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 37—38]. Суть ее состояла в том, что ребенок складывался калачиком и обхватывал руками свои ноги, после чего старший товарищ придавал младшему ускорение для скатывания с крутого пригорка. В огороде автора это была вершина надземной части картофельной ямы. Страшнее было скатываться спиной назад: при этом способе лишаешься возможности заранее сгруппироваться, чтобы вовремя выпрямиться или упасть на бок. Что до боли, то ее причиняли удары о случайные камни или незаметные из-за травы предметы, но более всего одолевал страх от скатывания в неизвестность. Страшно было кувиркаться, не видя, куда летишь!

С появлением на улицах деревень и провинциальных городов «бесхозных» автопокрышек от ЗИСов и МАЗов (не ранее 1940-х гг.) возникла модернизация данной игры. Ее стали называть «*Катание в колесе*» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 38—39]. Пяти- и семилетних детей к этой игре, как правило, старшие уже не допускали². Подростки забира-

² Однажды данное правило было грубо нарушено соседом автора по прозвищу Кара (родная мать его звала Божья Кара). Он помог мне разместиться в покрышке и придал ей ускорение, благодаря чему искомая устойчивость шины была обретена. Вот только тормоз от этого не появился. После остановки шины от удара о колодезный сруб меня унесли домой буквально на руках.

лись внутрь колеса и скатывались под небольшой уклон. Страх появлялся, как только заметно ускорялось вращение, а боль была неизбежной из-за удара о землю ввиду практически полной невозможности вовремя затормозить. Но научиться удерживать равновесие внутри «колеса» при его движении для подростков было делом серьезного уличного престижа.

Старинной была традиционная игра «Катание на чураках» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 39]. «Чураком» в Вытегре и ее округе называли короткомерный круглый отрезок с кряжа, предназначенный для дальнейшей расколки на поленья для сжигания в печи. Неровная окружность чурака и неровная поверхность лужайки — это не барабан клоуна, который раскатывается взад-вперед двора по цирковой арене. Не было такого ловкача, кто бы никогда не падал и не ушибался о землю, не получал мелких растяжений в области запястья во время этой игры. В качестве ее разновидности практиковалось «Катание на бревне в воде» [Там же]. Здесь ушибы и царапины получал лишь тот, кто соскальзывал с бревна вертикально вниз. Мальчишкам традиционные игры, связанные с кувырканьем/катанием, ощутимой пользы в дальнейшей жизни не приносили. А вот сельским девочкам 9—13 лет, если их привлекали на работы по сплаву бревен в кошелях через озера, умение балансировать на пляшущем в волнах бревне давало неплохой заработок. Только для них и только для указанного возраста природой была дарована возможность раскручивать ногами бревно силового ворота с намотанным на него, словно на шпильку, канатом, за который плот и весь кошель подтягивали к заброшенному в озеро якорю, чтобы двигать бревна вперед [Логинов 2010, 136].

Дореволюционная городская игра в «Казак-разбойников» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 41] была популярной у сверстников моего старшего брата еще в начале 1960-х гг. Правила этой игры в нашем городе радикально отличались от тех, что описаны в популярном издании Володченко и Юмашева [Володченко, Юмашев 1984, 107—112]. Общее по большому счету — лишь наличие заранее оговоренной территории для игры и принцип распределения ролей в игре

по жребью. Никаких «паролей/печатей» для «заколдовывания/расколдовывания» игроков у нас не имелось. Команд могло быть три, а не две. Если играли на две команды, то среди «казаков», закончивших отлавливать «разбойников», производилась дополнительная жеребьевка. Когда игроков было много, жребием набирали сразу три команды. Кому кем быть, определяли скрученные в трубочку бумажные полоски-жеребии с надписями, которые вынимались из зимней шапки или фуражки и зачитывались вслух принародно. Не исключено, что до школы старшие товарищи меня обманывали, ибо ни разу мне тогда не довелось быть «судьей», «палачом» или «прокурором»³. Несчастной была всегда судьба младшего, а значит, самого слабого игрока. Когда он оказывался «казак», любой «разбойник» отшвыривал его в сторону так, что тот летел кубарем. Если на младшего выпадал жребий «разбойника», его отлавливали первым и, сильно заломив руки за спину, вели к «судье». Тот с удовольствием назначал количество пинков, затрешин, оплеух, «горяченьких» и «капустинков», а «прокурор» лишь добавлял и добавлял. «Палач», как ему и полагается, исполнял «приговор». Помню, что еле удавалось сдерживать себя, чтобы не разрыдаться. Однако к середине 1960-х гг. в столь жесткую игру мало уже кому хотелось играть, и это была общая тенденция эпохи глобализации. В какие бы мальчишеские компании в пионерских лагерях автор ни попадал, предложения

³ Стоит обратить внимание, что в послевоенном Петрозаводске, Кондопоге и Сартавале военнотрудовые срочной службы, впервые попадая на гарнизонную гауптвахту, проходили через «принятие присяги», во многом восходившее к традициям вытегорской игры в «казаки-разбойники». Советской «дедовщины» тогда еще не существовало. К тому же в армию приходили юноши в возрасте не 18—19, а 22 лет. Среди персонажей зародившейся тогда великовозрастной игры не было «прокурора», зато имелся «адвокат», который просил у находящихся в камере заключения о снисхождении за впервые совершенную провинность. Совсем избежать «раздачи боли» было нельзя, но несколько ударов легкой алюминиевой ложкой по мягкому месту через солдатские штаны — это совсем ничего по сравнению с садистскими издевательствами «солдатской присяги» 1980—1990-х гг.

сыграть в «казаков-разбойников» неизменно отвергалось сверстниками.

Отрицательные эмоции с детства у автора остались от игр, которые бы сейчас назвали «играми на гибкость» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 36]. Дети, вплоть до подросткового возраста, обычно без труда закладывают ноги за шею. Но наступает в жизни момент, когда запроваленную за шею ногу без посторонней помощи уже снять невозможно. Вот тут-то вмешиваются старшие братья или их товарищи, отчего невинная забава оборачивается испытанием продолжительной болью. Однажды друзья брата заправили мне ноги за голову и, забыв про это, ушли купаться. Никому таких испытаний не пожелаю. Снова пережить столь же длительную боль довелось, когда после просмотра зарубежного фильма брат с друзьями решили испытать, действительно ли человек от щекотки способен потерять сознание. Привязали к спинке кровати и щекотали, пока тело не обвисло на железных прутьях. Еще хуже, что на улице в это время стали драться соседские пехоты. Нашел меня и освободил от веревки брат уже упомянутого в этой статье соседа Кары. На Мише, как на младшем в семье, родными братьями был проведен тот же самый эксперимент.

Старинная игра «Пробка на воде» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 36] предусматривала исключительно «раздачу страха». Игра дожила до наших дней, ничуть не изменившись, и практикуется в дружеских компаниях мальчишек по всей Руси великой. Маленьким детям «пробки» не делают — нарушителя данного правила всегда ждала скорая и жесткая расправа. Итак, выбрав объект нападения, старший по возрасту предупреждал громким голосом: «Пробка такому-то!». Неожиданно нападать не полагалось, иначе пропал самый «цимус» игры — увидеть страх на лице того, кому собираются «сделать пробку». Поскольку купались обычно большой компанией, пострадавший мог тут же отыгаться на более слабом товарище. А у слабых игроков имелась абсолютная защита — не заплывать туда, где ноги до дна не доставали. Автор этих строк пошел иным путем, развив в себе способность надолго задерживать дыхание под водой. В 12—13 лет, оказавшись

объектом игры «Пробка», я крепко обхватывал руки и ноги «агрессора» и погружался с ним в глубину реки Вытегры, пока тот не впадал в панику и не начинал бурно применять силу, чтобы освободиться. Это было время личного реванша, когда детские страхи и обиды отлились обидными поражениями старшему брату и еще кое-кому из его возрастной компании.

Одной из самых архаических игр детства автора была забава, восходящая к традициям сельских подростков, возраст которых еще не позволял им заходить на беседы невестившихся девушек и взрослых парней. Сейчас бы эту игру отнесли к разряду игр-страшилок, мы же о ней говорили всегда лишь описательно — «пугать страшными голосами» [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 797. Л. 39—40]. Ради ее проведения мы собирались, ближе к полуночи, на Рождество, мальчишескими компаниями в темные кладовки или в неосвещенные сени наших домов. «Страшным» (и плохо узнаваемым) голос становился после того, как человек закидывал вверх голову и начинал произносить нечто измененными горловыми звуками. Так в Вытегорском р-не советуют поступать начинающему «знахарю-шептуну», если хочет, чтобы его заговоры действовали [Там же]. Обязательные условия игры — это запреты держать друг дружку за руки или незаметно прикасаться друг к другу ногой или другой частью тела. Сюжеты наших детских «пуганий» были незатейливы. Мол, к нам в компанию прокрался черт или домовый дух, что из туалета в сени лезет холодный покойник и вот-вот ухватит за что-то и т. п. Последний раз организовать эту игру на нашем краю города старшие ребята попытались в 1965 г. Мне было поручено привлечь своих сверстников и младших товарищей. Никого я созывать не стал и сам не пошел, памятуя, сколько страха натерпелся ранее от этой игры. Только став этнографом, понял, что оказался свидетелем окончательного излета традиции одной из игр, служившей для широко практиковавшейся некогда традиционной «раздачи страха» в святочном календарном цикле.

Установить точно, когда старинные зимние святочные игры, включающие «раздачу страха», начали отрываться от

традиционной культуры и ее реального календаря, невозможно. Реминисценциями подобных игр в советское время были неизменно повторяющиеся в начале каждой смены в пионерских лагерях «рассказы о покойниках», превратившиеся в 1960—1970-е гг. в классические «страшилки», а позднее и в их пародии — «антистрашилки» [Чередникова 1995, Лойтер, Неёлов 1999, Лойтер 2001]. Приуроченность их исполнения к летнему периоду мало что меняет. Ведь и деревенская молодежь в старину собиралась компаниями не только в зимние, но и в «летние» святки. Причем самые большие компании образовывались на Петров день (12 июля по н. ст.), точнее — ночь, и отправлялись наши деды и прадеды не куда-нибудь, а на кладбища, и притом ночью. Как тут было не прибегнуть к «раздаче страха»? Зуд почесать языком насчет покойников и нечистых духов появлялся у деревенской молодежи и тогда, когда непогода заставляла их укрываться в часовне или на темном сеновале. В автобиографической повести вепского писателя Василия Петухова имеются сведения о том, как в школе-интернате его испытали в 1940-х гг. «раздачей страха», закрыв одного на ночь на сеновале не зимней, а белой летней ночью [Петухов 1987, 11]. В любом случае смещение в «колхозный» период истории России активности проведения подростковых игр с зимнего на летний период календаря не должно нас вводить в заблуждение относительно времени начала деградации традиционных обычаев и форм «раздачи страха». Тем более что в летних «страшных рассказах» советской эпохи в пионерских лагерях порой звучали именно зимние святочные мотивы. Например, в лагерях конца 1980-х гг., проводимых в с. Андома Вытегорского р-на, по словам племянницы автора, неизменно озвучивалась страшилка о том, что ежегодно на Старый Новый год из проруби в реке появлялся стог сена и катился к сторожке при церкви. Когда сторож на стук открывал двери, из стога якобы появлялась рука с ножом, которая и убивала человека. Образ стога сена, появляющегося из проруби, — это очень архаичный образ нарождающегося на Рождество Святке, или же Сюдню, ка-

рел и вепсов [Винокурова 1994, 74—75; Конкка 2003, 131—134; Конкка 2009, Миронова 2009, 267; Иванова 2012, 75—104].

Детей и подростков к участию в рассказывании и прослушивании страшилок притягивает не одно лишь желание преодолеть страх на личностном уровне. В 1997 г. в эколого-биологическом лагере автор стал свидетелем, как подросток сначала никак не прореагировал на леденящую душу страшилку. Выражение его лица и поза стали меняться лишь через полторы минуты. При этом со счастливым выражением на лице, едва шевеля языком, он произнес: «Ну, как же я испугался!». Подросток был счастлив тем, что всё это время был буквально парализован свалившимся на него страхом. Данное наблюдение позволяет говорить о качественном различии в психике человека в подходах к преодолению боли и страха. Боль переносят в играх, чтобы покичиться взрослостью, развитой в себе выдержкой, а ощущением глубины пережитого страха иногда можно даже бравировать.

Если говорить о традициях «раздачи боли и страха», случившихся на традиционных молодежных беседах Обонежья, то в первую очередь вспоминаются святочные беседы прионежских вепсов конца XIX — начала XX в. На эти беседы приходили все возрастные группы деревни. А в числе ряженных, являвшихся на эти беседы, у вепсов имелся такой персонаж, как «журавль» [Винокурова 1994, 47]. Его-то и боялись маленькие дети, а иногда и девушки, поскольку удары «клюва» этого персонажа, выполненного из зуба бороны, бывали весьма болезненными. Роль журавля в русской святочной обрядности иногда выполнял «гусь». С. В. Максимов так и называет ее: «Игра в гуся» [Максимов 1994, 248]. Прецеденты, связанные с игровой «раздачей боли и страха» на Святки, в отечественной этнографической литературе чаще всего описываются в составе так называемых покойничьих игр [Там же, 248—251]. На Святках Вытегорского уезда, представлявшего в XIX в. некое постстарообрядческое пространство с множеством строгих запретов, парни не заставляли девушек целовать «покойника» — обряженного в саван

парня с измазанным мукой лицом. Хотя шутейные (страшные только для детской аудитории) «отпевания» порой разыгрывались. По окончании данного действия «покойника» закрывали в натуральный гроб, клали на санки и сталкивали вниз с горы [НАКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 401, 402]. Чаше, однако, на беседах Обонежья пересказывались страшные истории. Среди них попадались и такие [Кузнецова 1997, 103—104], прослушав которые часть современной подростковой аудитории летних выездных лагерей даже начинает бояться ходить в туалет. Стоит заметить, что использование «маскированных масок» на Святки откровенно устрашающих масок, от вида которых слабонервные старики падали в обморок, было в Обонежье под запретом. Апофеозом же традиций святочной «раздачи боли и страха» в районе Вытегры были кулачные побоища деревни на деревню, устраиваемые по окончании игр в футбол тряпичным мячом [Вытегорский погост 1884]. Вне зависимости от результатов матча драку начинали сами игроки. Затем к ним присоединялись болельщики, включая взрослых, подростков и юношей. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. данная традиция в Вытегре уже утратила связь с народным календарем, но всё ещё была жива. Мальчишки, как игроки, так и болельщики, тогда постоянно рисковали быть побитыми после любой из встреч дворовых команд. Но спортивный характер любительских футбольных встреч быстро набирал силу. В 1967 г. автору статьи в последний раз пришлось прибегнуть к самому весомому аргументу мальчишеских отношений — пригрозить команде противников, если они учинят после-матчевую драку, апеллирующей к друзьям старшего брата.

В «Своде этнографических понятий и терминов» отсутствует определение понятия «игра народная». Зато утверждается, что детские игры «обычно не связаны непосредственно с какой-либо продуктивной прагматической деятельностью» (курсив наш. — К. Л.) и не определяются результатом игровых действий, а заключены в самом процессе» [Свод 1991, 47]. Всё верно, однако в играх «раздачи боли и страха» нацеленность на отдаленную, но вполне «продуктивную прагматику» всё-таки

прослеживается. Это прагматика подготовки мальчика, подростка, юноши ко взрослой жизни со всеми ее опасностями. Жизненно актуальной в архаическую эпоху развития общества была вся деятельность человека периода детства и возмужания, когда без преодоления боли и страха в ритуале инициации человек не мог трансформировать свое сознание и свой общественный статус в ранг полноценного взрослого члена своей социальной и этнической группы. Мир менялся. Из инициально-обрядовой, сакраментальной области древние способы испытания на страхах и боль постепенно, но верно переместились в игровую сферу молодежи, подростков и детей. Преодоление боли и страха было низведено на обыденный уровень. Тем не менее, преодолевая с детства в играх свои страхи и обучаясь с самых юных лет переносить боль, мальчик обретал качества мужчины, в глазах ребенка образца СССР 1950—1960-х гг. — практически «героя». Ведь мужчины не плачут, даже если им очень больно, и ничего не боятся. Таким образом, детско-юношеские забавы мальчишек, имевшие целью игровую «раздачу боли и страха», учитывая их общую «функциональную предназначенность», вполне можно учитывать в классификациях в качестве самостоятельной категории народных игр, пусть и «утративших связи с ритуальной сферой в процессе исторической эволюции» [Там же, 48].

Литература

- Винокурова 1994 — Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX—XX в.). СПб., 1994.
- Володченко, Юмашев 1984 — Володченко В., Юмашев В. Выходи играть во двор. М., 1984.
- Вытегорский погост 1884 — Вытегорский погост // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 47.
- Иванова 2012 — Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М., 2012.
- Кон — Кон И. С. Маргарет Мид и этнография детства. URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ps_mid_kult/ps_mid_kult_2.htm
- Конкка 2003 — Конкка А. П. Святки в Панозере, или Крещенская свинья // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / под ред. А. П. Конкка, В. П. Орфинского. Петрозаводск, 2003. С. 130—153.

Конкка 2009 — Конкка А. П. Календарная мифология и обрядность сямозерских карел // История и культура сямозерских карел / отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2009. С. 301—324.

Кристи 1984 — Кристи Н. Пределы наказания. М., 1984.

Кузнецова 1997 — Кузнецова В. П. Предания и былички: памятники русского фольклора Володозерья. Петрозаводск, 1997.

Логинов 2010 — Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Володозерья: обычаи, обряды и конфликты. М.; Петрозаводск, 2010.

Лойтер 2001 — Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001.

Лойтер, Неёлов 1999 — Лойтер С. М., Неёлов Е. М. Современный школьный фольклор: Учебное пособие. Петрозаводск, 1999.

Максимов 1994 — Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.

Мид 1988 — Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

Миронова 2009 — Миронова В. П. Зимние святки у ливвиков (по полевым материалам 1990—2000-х гг.) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: Сб. статей памяти Ю. Ю. Сурхаско. Гуманитарные исследования. Вып. 2. Петрозаводск, 2009. С. 265—270.

Петухов 1987 — Петухов А. В. Без отца. М., 1987.

Свод 1991 — Свод этнографических понятий и терминов. Народные знания, фольклор, народное искусство. М., 1991.

Чередникова 1995 — Чередникова М. П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск, 1995.

Шустиков 1895 — Шустиков А. А. Народные игры в Кадниковском уезде // Живая старина. 1895. Вып. I. С. 86—100.

Сокращения

НАКНЦ — Научный архив Карельского научного центра РАН.

Summary. *The article investigates some specific folk games that helped boys to learn to tolerate pain and fear since early age. The study is based on the records of the author's own experience, which happened to have occurred in the decade when the folk tradition was actively declining in course of globalization trends. This category of games is rooted in the archaic era, when the ability to tolerate pain and fear since childhood was needed for the initiation rite.*

Key words: *traditional games, Russians, nationalities of Karelia.*

УДК 398+81-23

ББК 82.3(2)

А. Н. РАССЫХАЕВ

(Сыктывкар)

ИГРОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И КОМИ-РУССКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ КОНТАКТЫ

Аннотация. *В статье проанализирована игровая терминология, образованная в коми фольклорной традиции под влиянием русской игровой культуры. Заимствованные термины адаптированы в соответствии с нормами коми языка, составляют заумный фонд детского игрового фольклора коми или входят в игровую традицию без изменений.*

Ключевые слова: *коми фольклор, детский игровой фольклор, игровая терминология, коми-русские фольклорные связи.*

Контакты коми и русских документально прослеживаются на протяжении последних 10 веков. Наиболее интенсивные связи наблюдаются с конца XIV в., с началом миссионерской деятельности Стефана Великопермского по христианизации коми народа. В то время коми еще проживали на территории современного Котласа Архангельской обл. и были со временем ассимилированы [Жеребцов 1982, 26, 117]. Столь длительные связи отразились во многих сторонах жизни народа коми — языке, фольклоре, культуре и т. д.

На сегодняшний день существует довольно обширная литература по коми-русским фольклорным контактам на примере преимущественно песенных и повествовательных жанров коми фольклора. Из специальных работ, посвященных этой теме, можно отметить статьи и монографии А. К. Микушева [Микушев 1956, Микушев 1961, Микушев 1969, Микушев 1973], П. И. Чисталёва [Чисталёв 1976, Чисталёв 1980, Чисталёв 1984], А. В. Панюкова [Панюков 2009], Н. С. Коровиной [Коровина 2013]. Кроме того, в силу специфики формирования коми фольклорной традиции во многих научных статьях и работах затрагивается тема влияния русского фольклора на фольклор коми